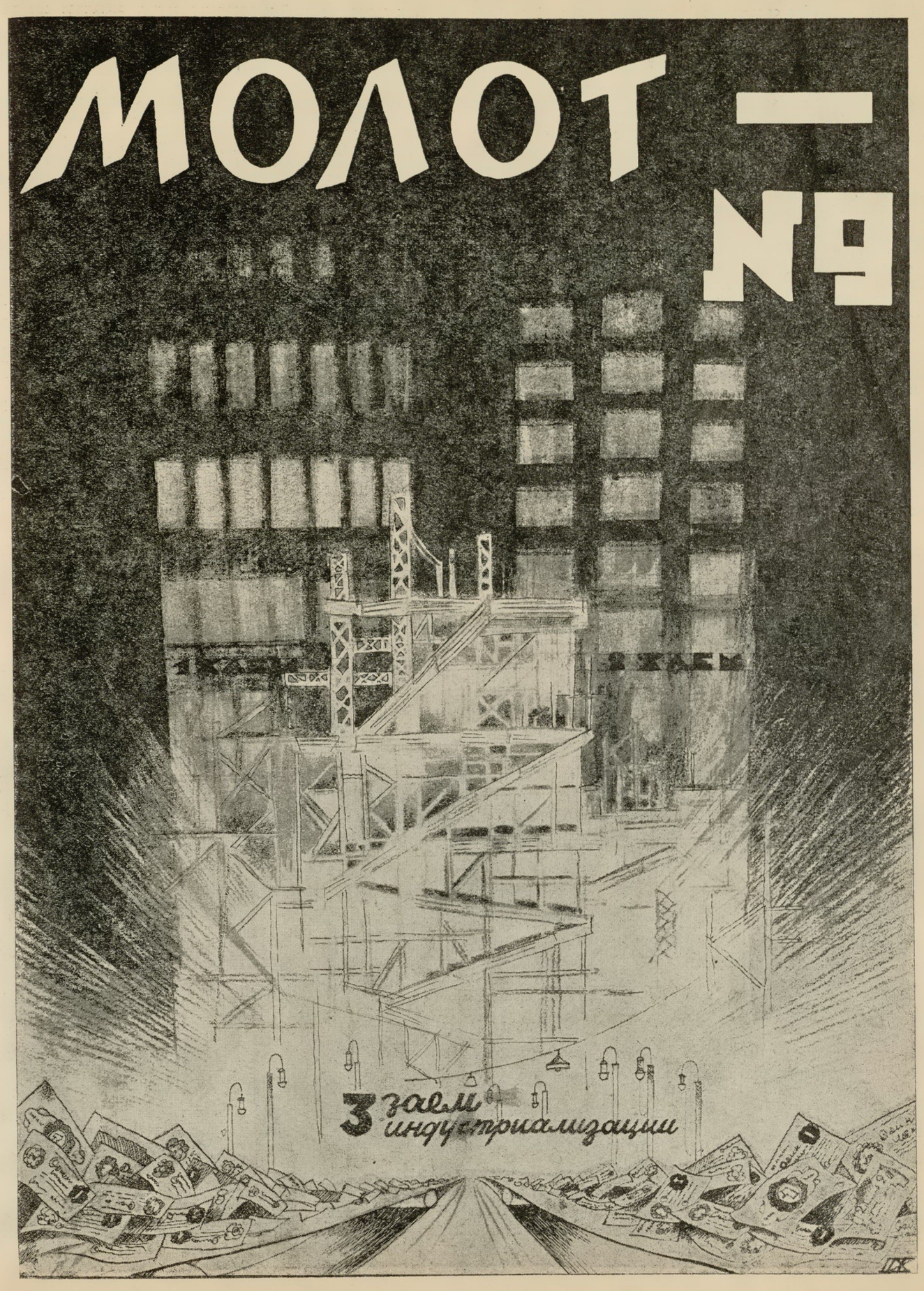
ЦЕНА номера 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ — №9



НА ЛЕНИНСКОМ ПУТИ.

4—7-го сентября состоялась 1-я окружная партийная конференция. Окружной партконференцией завершился процесс районирования Тульского округа и окончательно оформилось вхождение тульской парторганизации в московскую областную парторганизацию.

1-я окружная партконференция ознаменовала новый этап в жизни и работе тульской парторганизации. Социалистическая реконструкция народного хозяйства—усиление темпа индустриализации и роста колхозного движения нашли свое отражение в работе партконференции. Партконференция признала, что в период обостренной классовой борьбы, в период форсированного социалистического наступления, когда совершается выкорчевывание самих основ капитализма, парторганизация должна перевооружиться, перестроить свои ряды, взять иной темп работы. „Тульские прорывы"—дело ГФО, Тулторга, потребсоюза, инвалидной кооперации и т д, обострение классовой борьбы в деревне сигнализируют нам о том, что классовый враг перешел в наступление, что он проникает и в наш аппарат и пытается разложить его изнутри, чтобы тем самым ослабить, затормозить наше наступление и отсрочить час своей неизбежной гибели.

Эта активность классового врага, эти попытки его подорвать социалистическое строительство на самых ответственных его участках обязывают парторганизацию к сугубой большевистской бдительности, к неуклонному, незыблемому проведению в жизнь генеральной линии партии, направленной на закрепление и дальнейшее развитие социалистических элементов хозяйства. Поэтому-то окружная партконференция вынесла свое решение о самой беспощадной и неустанной борьбе с проявлениями на практике антиленинских уклонов и, особенно, о борьбе с правым, наиболее опасным в данный период строительства, уклоном и примиренчеством к нему в их идейных и практических проявлениях.

Правый уклон, идейно и политически разоружая партию и пролетариат, развязывая силы капиталистическим элементам, ведет к сдаче позиций классовому врагу, означает сползание с классовой ленинской линии.

И партконференция призвала всю парторганизацию к исключительной бдительности, к непримиримой борьбе со всякими попытками сползания с классовой линии, она же дала директиву перестроить партийные ряды с таким расчетом, чтобы усилить боеспособность парторганизации, сделать ее способной пресекать малейшие поползновения классового врага к подрыву нашего социалистического строительства.

Партконференция, признав, что губком и ГКК несвоевременно мобилизовали внимание и активность парторганизации и масс на борьбу с извращениями генеральной линии партии, нашла необходимым обновить руководящие парторганы—ОК и ОКК и укрепить их новыми силами в лице партийцев-производственников.

Партконференция, проходившая в обстановке самой широкой самокритики, признала необходимым еще шире, еще больше развернуть самокритику, невзирая на лица, пропитать ею все участки нашей работы, вовлечь в нее широчайшие массы рабочих, повести жесточайшую борьбу с попытками глушить и удушать самокритику.

Партконференция вынесла еще целый ряд важнейших решений, направленных на усиление темпа индустриализации округа, на усиление роста колхозного движения в деревне, на углубление культурной революции и улучшение культурно-бытового положения трудящихся масс.

На основе широчайшей самокритики оздоравливая все участки социалистического строительства, не допуская искривлений классовой линии, ударяя по правому уклону и примиренчеству, в каком бы виде они ни выражались и какими бы дымовыми завесами ни маскировались, парторганизация, под руководством вновь избранного ОК и с помощью трудящихся масс, выполнит поставленные перед ней партконференцией колоссальнейшие задачи социалистической реконструкции округа.

Красная армия приветствует 1-й Окружной С'езд Советов.



Ежемесячный литературно-художествен. журнал

МОЛОТ

Тульской ассоциации пролетарских писателей

IV год издания. | Сентябрь 1929 года. | № 9 (34)

12 ИЮЛ 29

НОВЫЕ ИСКАТЕЛИ.

Тайги одичалой зеленый прибой
И месяца тонкая, льдистая россыпь.
Здесь налиты мускулы кровью земной
И желтые лица истерзаны оспой.
Мерцая сквозь душные сумраки ночи
Хризолитами глаз, молодая змея
Легла в человечий, гнилой позвоночник.
Под рыжими кедрами стонет земля.
Суровый охотник всегда беспокоен,
Лишь двинутся тучи в тяжелый аллюр.
И бледен,
И немощен будет Бетховен
В безумном мотиве лесных увертюр...

* * *

Ветры рванулись.
И страстно зовут
Горячую бурю на черные тропы.
Деревья-враги..,
Деревья идут...
Скрежеты, хрусты, и хрипы, и топот...

* * *

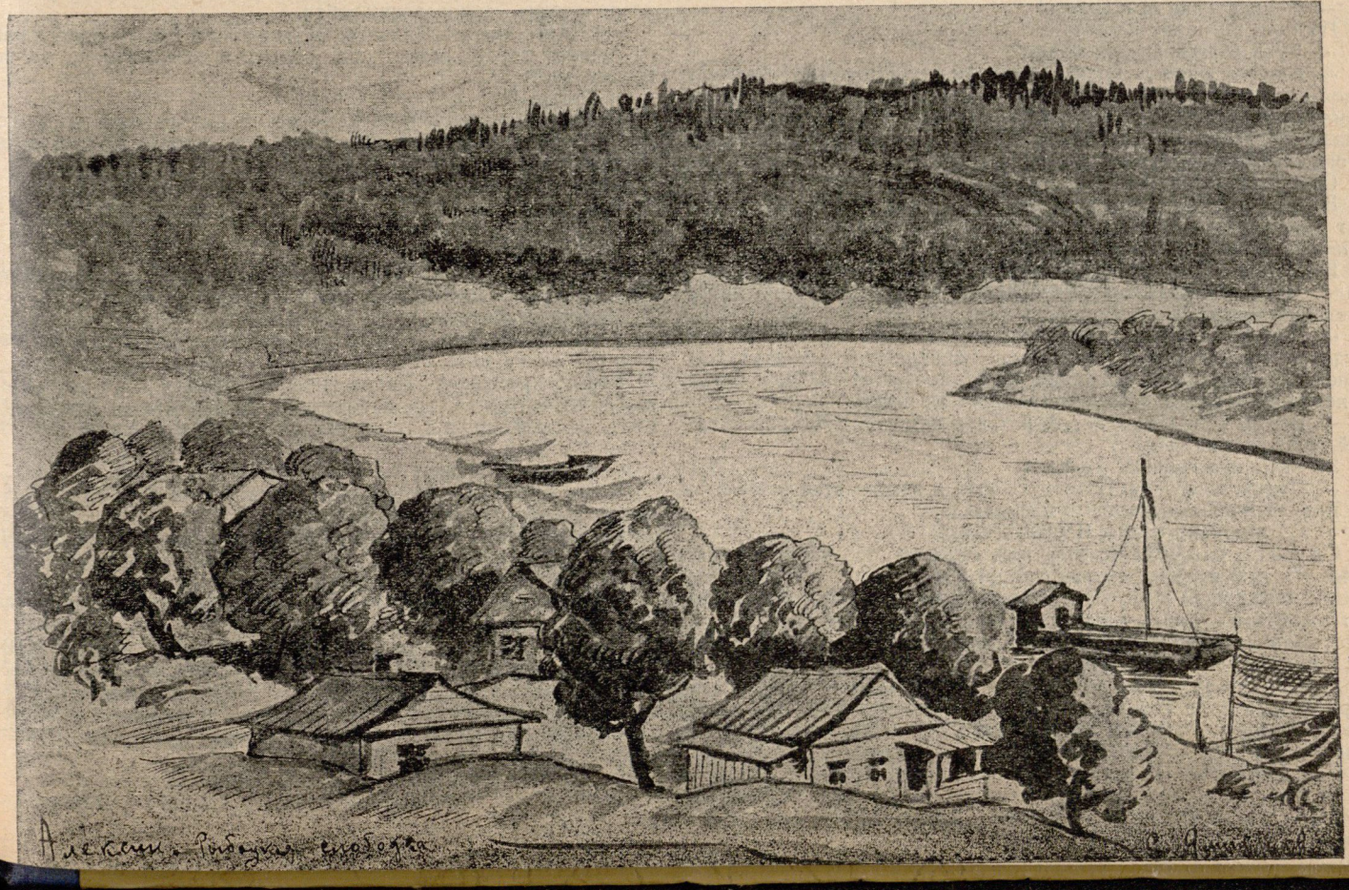
Как пыльные кости, дробятся трескуче
И падают смятые, мокрые сучья.
Градины режут прозрачной картечью
Справо налево и прямо навстречу,
И в небе кровавые пятна просветов
Лижет отчаянный, северный ветер...
Мечутся волны косматых вершин,
Вздымая корявые, хлесткие груди.
И в нервном испуге бледны и страшны
Горят в лихорадке разбитые люди.

* * *

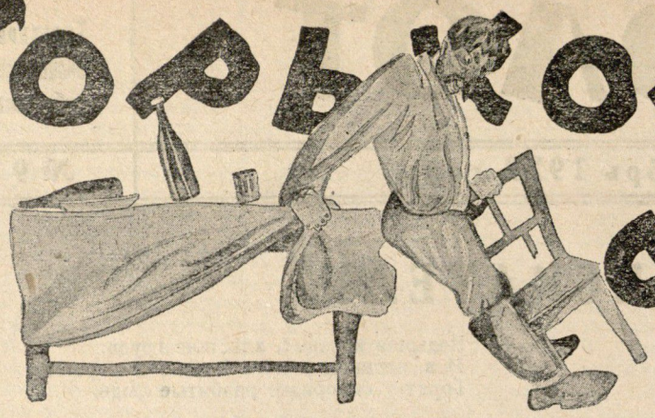
Трясина у ног, набухая, урчит,
Здесь нужен инстинкт и собачья сноровка.
На жирную воду роняя зрачки,
Мы едем в рекогносцировку.
Мы новые люди в буйных лесах
Неизмеримой советской страны,
Ломая медведей, болезни и страх,
Упорством и яростью заражены
Седые заливы лесных плоскогорий.
И бьется о сетки встревоженный гнус,
За нами открытья торговых факторий
Завтра в тайге ожидает тунгус.
И ружья Госторга, и соболь на экспорт,
О, ты первобытный таежный обмен!..
Под злобные всплески лесного оркестра
Хрустит, человеком разорванный тлен.
Не даром, ругая угрюмые тропы,
Мы, новые люди, мы песни поем.
И бархатный соболь на рынок Европы
За радость и крепость машин отдаем.
Мы сетью факторий и новых стоянок
Взнуздаем тайги бесконечный прибой.
Мы едем. И в душном, лесном океане
Тяжелые кедры стремятся на бой.

Андрей Алдан.

Тульский край.



Горькое яблочко



Рассказ С. Дмитриева.

I.

Дед Данила был хорошим столяром и отличным пьяницей. Пьяным он и жизнь свою кончил, утонув темной весенней ночью в канаве.

Внуку Ваньке он оставил в наследство скворешник—затейливый птичий домик, с мудреной резьбой и круглым окошечком, и вертушку-трещетку, вознесенную на длинном шесте в поднебесье. Дунет ветер,—кружится, разговаривает с ветром трещетка-забава ребячья; в тихие дни светится она под солнцем в синем небе желтой звездой Сыну своему, Алексею Буракову, оставил Данила обмазанную глиной хату на окраине города, барахлишко кое-какое, старинные серебряные часы и неуемную страсть к вину.

Когда деда похоронили, Ванька пожалел отца:

— Плохо тебе теперь, папанька, будет: за двоих тебе теперь надо вино пить. Отец молча треснул Ваньку по затылку.

———

Утренняя тишина сотрясается широкой прибойной волной гудка. За печку, где спит Ванька, вползает седыми волокнами чад и щиплет глаза.

Ванька слышит: мать гремит самоварной трубой. Отец кряхтит с похмелья, грохает сапогами и говорит:

— Куда спрятала? Оставалось у меня там с вечера. Слышь што ль?—Голос у отца сырой и тяжелый. Мать молчит.

Отец повторяет настойчивей:

— Слышь, што-ль?

— Поищи, коль оставалось!

Но отец не хочет искать.

— Куда спрятала, спрашиваю?

— Аль ты очумел, прости господи,—раздраженно отвечает мать,—выжрал все до капельки, а к жене придираешься. Уж не помнишь ничего! Охота мне была прятать, связываться с тобой! Лакай, жри, сколько в утробу влезет: авось, обожрешься винища этого проклятого, околеешь... один конец!

Отец хлопает дверью.

Ванька знает: отец пошел добывать вина. Сейчас он перейдет дорогу (на дороге лужа—раздолье утиное) и будет стучать в низкое окно к гончару Стратилату.

Вот улица оглашается яростным собачьим брехом,—это Стратилатова дворняга рвется из подворотни. Через десять минут отец возвращается.

— Причастился?!—говорит мать.—Отец молча садится за стол. Гудит второй гудок. Отец наскоро завтракает и уходит. Под окнами стучат шаги, проходят люди, пробегает баба, в руках у нее гремят ведра. Мать заглядывает за печку.

— Ванек, спишь шго ли? А нет, так вставай, пей чай... Вставай, коли не спишь!..

За чаем она говорит Ваньке:

— Получка сегодня. Надо итти ужо к заводу отца встречать.

Ванька вполне согласен с матерью.

— Обязательно надо .. Я ужо сбегаю.

Он знает, что если не встретить отца, то отец уйдет с приятелями и всю получку пропьет. Ищи его тогда.

Он может уйти к Матрене Выдре, к которой все мужики ходят вино пить, или к Андрюшке Косому, а не то на пустошь, к развалинам кирпичного завода, в карты играть. Ванька однажды ходил туда искать отца.

Густели сумерки Ванька добежал до развалин, и вдруг, из-за черной хребтины стены, из желто-мутного сумрака внезапно глянул на него огромный кровавый глаз. Это была луна, но Ванькой овладел темный страх и погнал; страшная луна покатилась за Ванькой. Потом он долго боялся ходить вечером в ту сторону.

— Я ужо сбегаю на завод, встречу,—говорит он матери Он смотрит в окно, торопливо ест хлеб и прихлебывает чай с блюдечка.

За окном солнечно. Небо чистое и блестит, будто только сейчас вот выкрасили его голубой краской.

Напротив, на кривом сером заборе, греется на солнышке рыжий кот, а над ним зелень ветлы, похожая на теплый пушок желтого цыпленка. И еще видит Ванька: в синей распоясанной рубахе, широко расставив ноги, в коротких штанах стоит на сарайной крыше Ленька Огольцов и туряет голубей. Изумительно белые, взмывают голуби, летят листочками, подхваченными ветром. Ванька опрокидывает чашку вверх донышком: наелся, напился.

* * *

Снизу смотреть—лежат на крутизне белые, как мел, глыбы облаков; белей облаков бродят козы по зеленой кайме обрыва, тяжело нависшего над сыпучей, отвесной песчаной горой.

Внизу мужики насыпают светлый, как пшено, песок; звенят лопаты, все запорошено желто-серой пылью.

От изрытого лопатами желтого предгорья медленно ползут калымаги с песком за выступ горы; лошади жилятся, натирая хомутами натруженные загривки. И вот от огородов, от тихой окраинной улицы—ватага ребят.

Это—Ленькина рота.

Ленька сильней и ловчей всех. Он приступом берет гору, песок шумным потоком сыплется из-под Ленькиных босых ног. И вот—стриженные и вихрастые, в разноцветных рубахах, вскарабкались на кручу. Это—победители. Они только что разбили «неприятеля»—демидовских ребят.

«Неприятель» рассеян по всем закоулкам Демидовской улицы.

Ленька гордо встает на обрыве и воинственно, во всю глотку орет:

— Э-ге-э-э!

Победа досталась нелегко: у некоторых разбиты носы, изодраны рубахи; у Ваньки по всей щеке кровавый след вражеских ногтей.

Это—полбеды.

— Здорово мы их.

— Я одному ка-ак вдарил.

— А я как наддал!

— Слышь, Ваньк, Степк, слышь, я одного нагнал, слышь! Как нагнал, да как свистнул ему по уху: он—бряк!

Ленька сердито морщит упрямый лоб:

— Ну, ладно, перестань, черти, бахвалиться! Как бабы разорались. Закуривай!

Ребята утихают. Иначе нельзя. Леньку надо слушаться, иначе он «с'ездит» по зубам, а не то возьмет за ноги и спустит головой вниз с горы, как спустил вчера Митрошку Суслова.

— Ребят!—командует Ленька,—ужотка вечером...

В это время густо захрипела заводская труба, голубой и высокий день дрогнул—загудел гудок.

Ваньку словно ветром подхватило и вместе с песком и камнями понесло с горы.

— Отца встречать!—закричал он ребятам.

Ванька летел птицей. На кривых скучных уличках ему стали встречаться рабочие и работницы.

У заводских ворот он встал, как вкопанный, и стал ждать.

Ждал он долго; почти все уже прошли, но отца не было. Ванька смотрел в глубь заводского двора, но вместо отца из-за угла кирпичного корпуса выходили незнакомые люди. Вот торопливо пробежала молодая работница, широко прошагал очкастый человек с портфелем.

— Ты чего тут, малец, торчишь?—спросил сторож.

Сторож был одет в брезентовый угловатый дождевик и казался горбатым.

— Отца жду.

— Отца? Ну, жди. Небось, выйдет. Может быть, он на собрании иль заседании, отец-то... Жди. Иной раз до ночи можно прождать.

Через минуту сторож спросил:

— Как фамилия-то?

— Бураков Из кузнечной.

Сторож свистнул:

— Ф-фью! Напрасно ждать будешь. Он давече, чуть загудело—ушел.

* * *

Ванька был везде, куда мог уйти отец. Отца нигде не было. Подперев щеку рукой, мать сидела за столом у остывшего самовара. У нее было измученное лицо, блеклые губы были крепко сомкнуты, как бывало всегда, когда мать расстроена.

По глазам матери, покрасневшим и припухлым, Ванька узнал, что мать плакала.

Мать посмотрела на Ваньку.

— Где-ж отец-то?

— Нету.

— Нету, нету... Чертушко, где же тебя нелегкая носила? Опять воевал? Кто же это тебе рожу-то распахал?

Ох, яблочко ты мое горькое!

Мать замолчала, и немая скука опустилась на Ванькину голову.

— Я ждал, ждал его... Потом к Выдре бегал, потом в пивную, потом...

— Оно и видно, што ждал! Тебе бы только воевать, Аникеевоину. Жрать тебе не давать!

Ванька стал молча глотать слюну.

Мать поднялась с табуретки и пошла на кухню. Она собрала Ваньке обедать.

— Жри садись, да пойдем за отцом.

Мать опять замолчала, и молчание ее было угнетающим.

* * *

Когда Ванька был маленьким, он любил держаться за отцову руку,—с отцом тверже земля под ногами.

Теперь Ванька вырос, и опоры в отце нет: отец качается так же, как качаются на освещенном тротуаре тени пробегающих людей.

Мать дергает отца за рукав и толкает в спину, и он не лезет драться, -он глупо усмехается и лопочет:

— Ах, растакая... Ва..а..ньк! Па..а .длец! М. .мы..мы...

Дома мать дала волю языку и слезам.

Она кричала о разводе, плакала о своей горькой головушке, но отец только мычал, лежа ничком на постели.

— ... Вот чорт,—думал Ванька про отца,—пропивает все, а из-за него жри один хлеб, без сапог ходи... А теперь еще того чище,—маруху завел».

Ванька смеется, вспоминает, как давече мать рвала за волосы отцову маруху.

Лицо чужой женщины плохо запомнилось Ваньке, и, вспоминая давешнее, он видит табачный дым, блеск бутылок, цветы на окнах, как водоросли в мутной воде, чувствует одуряющий запах вина и духов. На стуле пьяный отец, а рядом—голова в завитушках... «Как шавка... вот лярва!»—думает Ванька

— «Ежели вот вырасту большой, да женюсь на Варьке Исаевой, да маруху заведу.. и чего только тогда будет... Исцарапает мне Варька всю рожу и глаза выдерет.. Злющая она иной раз бывает... Бе-э-да!».

Комната наливается теменью ночи.

В темноте тикают часы, несуразно бормочет отец, надрывно вздыхает мать.

* * *

Утро началось безотрадно. Перед зарей сухо зашелестел ветер, будто перелистывал кто-то большую синюю книгу,—наплыли тучи, пошел дождь.

Утром Ванька сидел у окна, смотрел, как мелкими гвоздиками прыгает дождь по луже.

Хмурый и взъерошенный сидел отец за столом и курил.

Ваньке хотелось есть, а мать с базара все не шла. Да и придет,—кроме хлеба ничего не принесет.

— У людей ситные пироги,—сказал Ванька,—а тут сиди, как шут, не жрамши. А все ты.. Отец—это называется... Всю получку пропьет, а тут сиди—брюхо подводит, ходи разутым, раздетым.

Отец пускал ноздрями дым и молчал.

Ваньку это молчанье подбадривало.

— Пей, пей,—говорил он,—обопьешься,—околеешь. Один конец! Ванька усмехнулся.

— Ведь до чего человек... Маруху даже завел... смехота!

Отец молча встал из-за стола. Ванька почувствовал недоброе в тихом наступлении отца, он приготовился прыснуть к двери, но отец мигом шагнул на середину комнаты: отступать Ваньке было некуда. Окно было закрыто, и пока Ванька отодвигал задвижку, отец дико и исступленно стал рвать Ваньку за волосы.

— Маруху,—хрипел отец,—маруху... Где ты словам таким учишься, шпана? Я голову тебе... оторву, вместо рукомойника голову твою повешу... Отца учить!

Ванька выл, цапал отцу руки, бил его ногами в живот. Вырвавшись из отцовых рук, он стремглав выскочил на улицу.

— Убью, щенок!—орал отец.

Шлепая по лужам, Ванька бежал по улицам.

Голова горела, слезы жгли глаза, в горле застрял горький комок.

— Я тебе попомню, попомню!—шептал Ванька, трясясь от обиды и холода.

(Продолжение следует).

Большевик.

Уходит день.
Я не один—
Товарищ мой со мной,
Товарищ носит соль седин..

И в цветнике усталых глаз
(Глаза—и друг и враг)
Он затаил большой рассказ
О ссылке и боях.

Теперь, когда нас жизнь берет
И хочет перемочь,
Товарищ будет напролет
Работать эту ночь.

Сквозь ночь тяжелый абажур
Прольет зеленый свет,
А утром солнце желтый шнур
Протянет в кабинет.

Он не заметит солнца ток,
Не вспомнит влаги рос,
И сизый дым от папирос
Затянет потолок.

Когда-то залпы по горам,
Простреленный Кавказ.
Сегодня ж пафос диаграмм
И цифр энтузиазм!

Иные мысли и года.
Но верен он себе
Везде идет
Была всегда—
Не миновать борьбе!

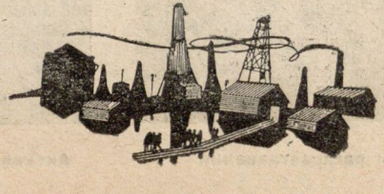
Уходит день.
Уходит день.
И контуры кривы.
О, эта вдумчивая тень
Склоненной головы.

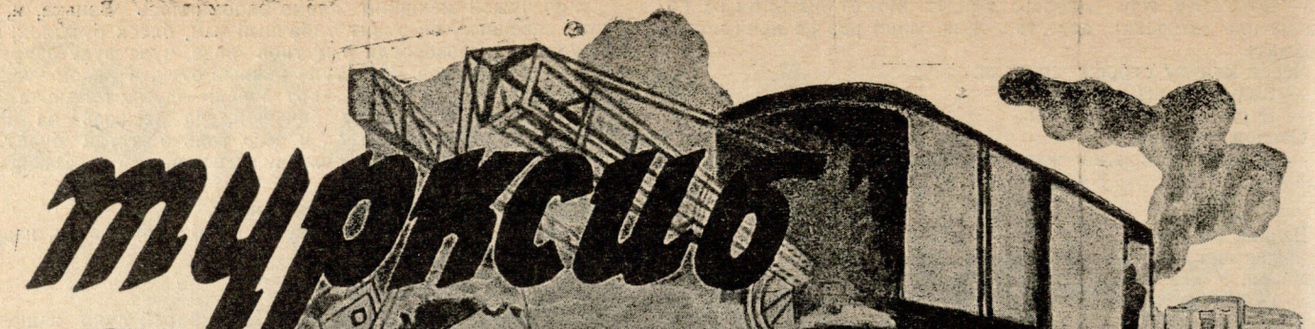
Ф. Гуляевин.

Новая молотьба.

Словно улей гудит совхоз,
Разливается гомон в совхозе.
Со снопами за возом воз
С поля трактор пыхтя привозит.
Словно лысина выглажен ток,
Ток старательно так утрамбован.
А на нем, будто в землю врос,
Барабан песнь заводит взволнованно.
На затылке посбились платки
У задорных совхозниц-батрачек,
И снопы, как коньки-скакунки,
В барабан из-под рук у них скачут.
Шпарит солнце колючим лучем.
Пьян от солнца батрак-молотильщик.
— Ну, машина!.. Ей все нипочем...
А в ручную-то разве осилишь!
Бьет вперед барабан зерном,
Словно тысячи бьют пулеметов.
Обрастает в совхозе гумно
Крепостями высоких ометов.

Алексей Медведев.





Незримо вращается солнечный глобус,
Сквозь пыльные сумерки южного ветра
Шагреневым лаком мерцает автобус,
И срезанной цепью летят километры.

* * *

Жестокое солнце, гнилые туманы
Сушат киргиза в степях Казакстана,
Сюда в незнакомый, нехоженый мир
Явились топограф и нивеллир.
Нам нужно измерить степные массивы
Осадки дождей, топографию почвы;
Здесь люди не знают театра и почты,
Здесь буква закона—животная сила.

* * *

Мы меряли землю и планы чертили,
Мы в душных кибитках мечтали и жили.
По изысканиям упрямых людей
Гремит экскаватор, в песках голубея,
И смуглый киргиз незаметно робея,
Гонит на стройку табун лошадей.
От лязга колес и железного гула
Слетает зеленая дрема аула,
И в панике черной ломают верблюды
Солончаковые, хрупкие блюда.
Блистающих рельс легли параллели
И срезали время, и смяли пространство,
И встретив сегодня невиданный транспорт,
Могучим протестом под ним загудели.

* * *

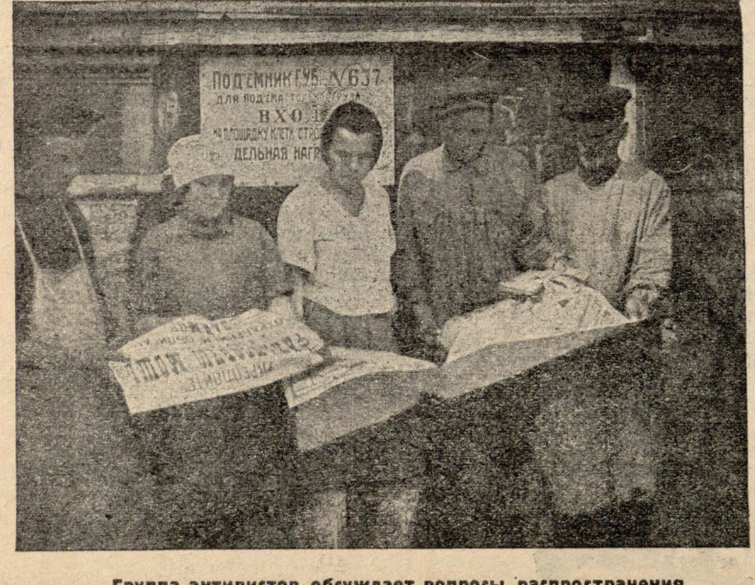
Злобой песчаной вскипают барханы
И хлещут бессильем последних истерик.
О, скоро с чудесным хлопком Туркестана
В барханах промчатся железные звери.
И Алма-Атинских яблок загар
В бумажной обертке незримо растает.
Так пусть же песчаный самум вырастает,
И солнце поднимет бездымный пожар!
Голодная степь в смертельном изгибе
Дорогу уступишь, пространство отдашь.
Холодные рельсы легли на Турксибе,
На горное Фрунзе, на желтый Балхаш.

Андрей Алдан.

3-й ЗАЕМ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В ТУЛЕ.

НА САМОВАРНОЙ Ф-КЕ ИМ. ТУРЧАНИНОВА.

Фото Вен. Пав.



Группа активистов обсуждает вопросы распространения займа.



Активисты знакомят кустаря-крестьянина со значением 3-го займа индустриализации.

МОЛОДОСТЬ.

Очерк Ив. Костина.

Молодость... В этом слове заключено очень многое. Радостное, действенное, побеждающее, вечно бурлящее неугомонной силой,—все это слито в слове «молодость». С этим словом необ'яснимым образом связываются тонкий холодок сияющего весеннего утра, кипень пахучей листвы тополей, тишайшая синева июньского вечера. В это слово влиты песни, прекрасные песни, зовущие на борьбу, увлекающие в бой со старым, протягивающим свои гнилые щупальцы.

Молодость никогда не стоит. Молодость всегда борется. Молодость всегда в первых рядах.

То, что молодость показывает пример, являясь зачинщиком ценнейших мероприятий, в докладах в отчетах обозначается длинным, чем-то напоминающим экзотику, словом—«инициатива». Что такое инициатива? На этот вопрос отвечают цифрами.

— В ТМСО молодежь собирает ватермашину в 10 дней, тогда как раньше она собиралась в 15-16 дней,—говорят вам.

В мастерской № 7 комсомольский цех поднял производительность труда на 40 %, .. 40 процентов! Почти в полтора раза больше, чем прежняя производительность! Вот это и есть инициатива. .

По всем предприятиям рассыпаны ударные бригады. В стране нашей идет грандиознейшее строительство. Подымаются корпуса новых заводов. Открываются новые нефтяные промыслы. В глубь тайги протягиваются стальные струны Турксиба... Перед каждой фабрикой, перед каждым цехом ставятся громадные и ответственные задачи. Для выполнения этих задач комсомольцы создают ударные бригады. Бригады зовут, бригады увлекают своим примером цех, фабрику, завод...

Победители.

—Отделились? Молодцы, хе-хе! Герои! С новосельем вас! Примите от грешных, не обессудьте...

Шутник сгибался в три погибели и протягивал комсомольцу, организатору бригады, корочку хлеба, густо усыпанную солью.

Мастерская ломилась от хохота.

Хохотали все. Восторженно орали рабочие, захлебывались визгливым смехом работницы, снисходительно смеялся мастер, перебирая бланки...

Так было в станочной мастерской меднопрокатного завода, когда там организовывалась ударная комсомольская бригада. Чему смеялись рабочие?—О, это понятно! Яйца взялись учить курицу, хе-хе...

Но не только смехом сопровождалась организация бригад. Контрольный отдел этой же станочной мастерской что-то чересчур внимательно присматривался к работе бригадников. Десятки взоров испытующе скользили по сданной вещи в поисках хотя бы самого крохотного из'яна.

— Все правильно,—вздыхал контролер после долгих, но тщетных поисков.

— Посмотрите еще, может что и окажется,—откликались другие. Быть не может, что все правильно...

Работа бригадников иногда пропадала. Да, пропадала в самом прямом смысле этого слова! Была работа,—и нет работы. Кто был виновен в этом? Кто сознательно вредил бригаде? Неизвестно. Приходится поставить точку.

Бригадам пришлось преодолеть много трудностей. В конце-концов, они вышли победителями.

Производительность труда бригады станочной мастерской подняли на 13-20 процентов; 6 бригад отказались от оплаты за переработку. Прогулов ни одного.

— Гм... Оказывается, дельные ребята-то!..

Бригадам стали поручать ответственнейшую работу. Это было как-бы экзаменом бригадам.

С одной новой работой рядовые рабочие не справились. Вместо 300 они вырабатывали только 73 килограмма. Дали эту работу бригадникам, они выработали норму полностью. Полностью! Рабочие были пристыжены. Какое же они имели право смеяться над комсомольцами? У них учиться надо, а не смеяться над ними! И прежние насмешники пришли в бригады и заявили:

— Берите нас, едят вас мухи с комарами! Не глядите, что мы старые. Мы, едят вас, не отстанем! А за прошлое—пардон—извините, конешно.

Теперь в бригадах работают 35 взрослых рабочих. Так победили бригады.

А еще говорят, что яйца курицу не у .. Впрочем, молчу, молчу.

История с Резниковым.

Комсомол напрягает все свои усилия для поднятия и улучшения производства. Тот, кто лодырничает, прогуливает, занимается разговорами в рабочее время, тот бьет по производству, замедляет движение общих колонн. Таким не место на производстве, таким не место в комсомоле.

Резников, комсомолец мастерской № 3 завода № 1, на эти замечания махал рукой. Он не обращал на них ни малейшего внимания. Весело что ли работать в кладовой, перетаскивать ящики и тюки? Конечно, не весело. Куда лучше—ручки в брючки, гоголем по мастерской:

— Петь! Ты «За монастырской стеной» не видел?

— Что?

— Ах, хороша! В «Форуме» идет. Советую посмотреть..... А Васька нынче в новых «джимми»... Говорят, за Соней ухаживает... Сербиянка, сербиянка...

Вызывали Резникова на бюро ячейки. Не помогло. Попрежиему Резников разгуливал по мастерской, заговаривая с товарищами о разных разностях.

Тогда комсомольская ячейка устроила над Резниковым товарищеский суд. Контора мастерской была, что говорится, набита битком. Под перекрестным огнем взглядов у окна молчаливо жался Резников. Искоса поглядывая на сгрудившихся у столов товарищей, он все еще старался найти в их взглядах сочувствие. Напрасно. Товарищи глядели на него сурово и осуждающе.

Резникову вынесли общественное порицание «с доведением до сведения райкома металлистов».

— Тебе придется покинуть завод, если ты не исправишься,—сказал Резникову суд.

И Резников исправился. Шатания по мастерской, прогулы, опоздания прекратились. Резников стал лучшим рабочим в кладовой. Когда один из чернорабочих был призван в армию, Резников об'явил:

— Я буду работать и за него и за себя.

Рабочие усмехнулись. Одобрительно похлопав Резникова по плечу, они сказали:

— Ты, оказывается, хороший парень. Но ты чудак! Мы все разделим между собой работу...

Поход.

Нужно не только уметь хорошо работать, нужно уметь хорошо стрелять. И поэтому в командах Осоавиахима, в кружках РОКК комсомольцев очень много. Есть специально комсомольский батальон. Сейчас губкоммол организует велобатальон самокатчиков, назначение которого поддерживать связь.

На-днях был проведен военный поход зареченских комсомольцев. Рано утром по еще тихим улицам Заречья заколыхались колонны комсомольцев. С песнями вышли в поле, сверкающее тяжелыми каплями росы. Рассыпались цепями, пошли в атаку на другой батальон. Затрещали выстрелы. Белые клубки порохового дыма покатились по траве навстречу нападающим.

Через полчаса и нападавшие и защищавшиеся вместе ели булки с колбасой и плясали под гармонику.

Поход, учебная стрельба в тире, стрелковые соревнования,—все это для того, чтобы быть готовыми защищать молодую страну.

Иван Иванович Плахов.

Недавно я ездил с экскурсией красноармейцев по колхозам. Мы осмотрели несколько коммун и по необходимости на обратном пути сделали большую остановку на станции Узловая. Короче говоря, мы ждали поезда. Тихонько пиликала гармоника, догорал закат, рельсы светились розовым пламенем. Было необычайно тихо, Наше молчание нарушил звонкий голосок, требовавший «старшего». У вагона стоял парнишка лет 12, в грязной, пропитанной угольной пылью майке.

— Я—Иван Иванович Плахов,—отрекомендовался он.—Возьмите меня с собой, дяденька. Мне надоело. Отовсюду гонят...

В голосе парнишки засквозила недетская, большая тоска.

Комиссар обернулся к вагону. Старый буденовец, лихой кавалерист и рубака—он улыбнулся растерянно.

— Куда же мы тебя возьмем?

— Куда-нибудь,— поспешно заговорил Иван Иваныч, хватая его за рукава. Я все буду делать, я буду сторожить. Я возьму собаку...

— Берите мальца, товарищ комиссар,— загалдели красноармейцы.

Комиссар задумался. Морщины вздулись и поползли по его лбу.—Куда деть Иван Иваныча? Стоп, выход найден!

— Иван Иваныч, ты будешь сигналистом в кавэскадроне! Мы дадим тебе трубу и белого коника.

Так решилась судьба Иван Иваныча. Через несколько минут Иван Иваныч ел на вокзале колбасу и пил горячее, обжигающее молоко. А в вагоне всю дорогу до Тулы он пел песни и плясал с красноармейцами.

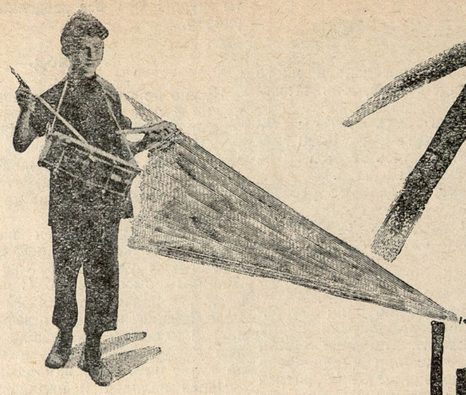
На-днях я встретил Иван Иваныча. Он был одет в полный костюм кавалериста, заботливо перешитый на его рост. Шел он солидной походкой, широко размеряя тротуар.

— Мне дали коня,—захлебаваясь, сообщил он.—Во, какой! Маленький. И трубу дали. Учусь... В пионерский отряд записался...

Иван Иванович велел мне заходить к нему и отправился дальше.

До свиданья, Иван Иваныч! Расти, учись! Ты тоже будешь делать историю.

Ив. Костин.



15 й МОД

ПОХОД.

Эта радостная сила
В нашу кровь затем дана,
Чтобы краше жизнь взрастила
Наша вешняя страна.

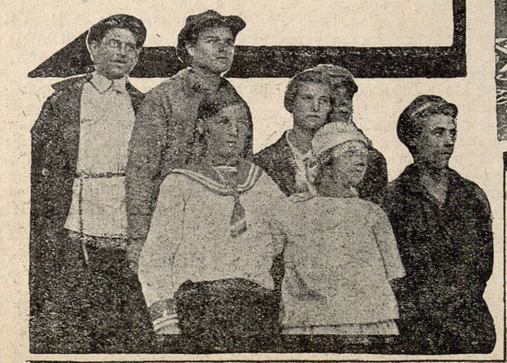
Облетают листопадом
Дни, недели и года.
Переделать
В корне надо
И поля и города.

Зорче взоры!
Тверже руки!
Выше песню, голоса!
День встает
В дыму и стуке,
Гул идет
По корпусам...

Если строим—
Значит, будет!
Пусть—не сразу!
Пусть—потом!
От того-то
Наши будни
Пахнут потом
И трудом.

Оттого-то
Сотни лестниц
На стропила нас зовут.
Мы идем
С большою песней
По ступенькам
В синеву.





По левой стороне, сверху вниз:

1) Ночная демонстрация.
2) Воскресник на кожзаводе.
3) Тоже.
4) Подготовка к празднику.

Слева в углу: Воловские комсомольцы на празднике в Туле.

По средине, сверху вниз:

1) Приветствия.



2) Расклейка мюдовских афиш.
3) Агит. автомобиль.

По правой стороне, сверху вниз:

1) После воскресника.
2) Воскресник на ф-ке „Феникс".
3) Воскресник беспартийных на кожзаводе.

Справа в углу: подготовка к празднику.



Молотки стучат до ночи,
И в сиянии огней
Видит пред собой рабочий
Новый город
Новых дней.

Слышишь гром
Стального боя?
Это бьет врага завод.
Клочья дыма над трубою—
Парусов высокий взлет.

У станков,
Как прежде в ротах,
Комсомольцы—впереди.
Только вместо пулемета
Здесь резец весь день гудит.

Каждый шаг —к сниженью брака,
Каждый шаг
К сниженью цен,
Это—новая атака,
Верный по врагу прицел!

Если молодость
И сила,—
То не просто—смех и прыть.
Если молодость
И сила,—
Значит, нас не победить!

Тополиный шелест весен
Не погаснет за окном.
Мы идем
С большою песней,
Мы в большой поход идем...

Ив. Костин.



КУЗНИЦА.

Смешались искры
С душным паром,
Гудит огня кипучий шквал
И рушит молот на металл

Удар за громовым ударом.
Чугунный мускул
Не унять.
И сталь под молотом

Не стынет,
Клещей стальная рукоять
В руках и гнется
И пружинит.

Немеет взор...
Но в пылкий жар
Ворвался крик
Сирены дальней.

И высоко
Над наковальней
На полчаса застыл
Удар.

И горн утих,
А грудь поет
И вторит солнечному марту,
И по груди

Горячий пот
Стекает каплями
За фартук.
Затих завод...

Но вот гудок
Сгоняет сон
И тихий отдых.
И снова падает гнеток,

И блещет солнце на приводах.
Опять трескучий искропад—
В ударов четком
Перекате..

Опять
Под пальцами скрипят
Клещей стальные
Рукояти.

М. Зайцев.

.....

В КОЛХОЗЕ.







Фото А. Лесного.

ПОЗОРНЫЙ БЫТ.



Такую картинку еще можно видеть на наших окраинах.

КОСОГОРСКИЙ ЗАВОД.

(Производственный очерк).

«Так бейте веселей
Кирки и молотки,
Руде дорогу открывая».

Бродский, «Индустриализация» («Правда» № 180).

Стоит на автобусе доехать до вершины холма, спускающегося к Косой Горе, и вам представляется красочная панорама завода. Вот многотрубный цементный завод, выпускающий в год свыше 300.000 бочек железо-шлако-портланд цемента. Вот металлургический завод, доменные печи с годовой производительностью в 110.000 тн. чугуна, литейные дворы, воздухонагревательные аппараты Каупера.

Между заводами двух‘этажное здание электростанции, обслуживающей не только заводские нужды, но и отпускающей электроэнергию Туле и Щекинским каменно-угольным копям.

В Тульском районе, еще с Петровских времен известном своим «железным делом», залежи легкоплавкой руды велики. Один из видных геологов А. К. Мейтер определяет запасы ее здесь в полмиллиарда тонн. Раньше здесь не велись в плановом порядке разведки. В прошлом, конечно, в этом и надобности не было. Недра принадлежали хозяйчикам-помещикам. Набрав себе дешевую рабочую силу, предприниматель заставлял пробивать в земле дудку—круглое отверстие, диаметром около метра. Не затрачивая ничего на крепежный материал, он заставлял рабочего углубляться вниз. Подача недр на поверхность производилась кадушкой, поднимаемой ручным воротком.

Теперь завод навсегда порвал с этим варварским способом добычи руды и перешел к более совершенному способу разработки недр.

В Дедилово-Киреевском районе, где обнаружены мощные концентрированные залежи пластообразной руды, в прошлом году были заложены 4 шахты и 1 шурф, и с этого времени эксплоатация ведется в соответствии с современными требованиями техники горного дела, с применением очистных работ.

В то время, как при работе дудками имеется один незакрепленный ствол, в шахте имеется два ствола—один для воздуха, другой для груза. Правда, шахты работают на конном приводе, т.-е., извлечение из шахт вагончиков с рудой производится канатом, вытягиваемым конным приводом; но в будущем году проектируется механизация работ шахт и погрузка руды в вагоны через бункер. Уже произведена пробная упрощенная механизация шурфа № 2, где движение вагончиков производится 6-ти сильным мотором.

Дудкой внедряться можно только вглубь, используя залежи не больше, чем на 30 проц. При работе же шахтами имеется возможность вести подземные работы правильно нарезанными штреками во всех направлениях, почти без потери полезного ископаемого.

Производительность 1 забойщика в шахте дошла к настоящему моменту до 5½ тн. Средний суточный дебет шахты при конном под‘еме—65 тонн, или свыше 100 вагончиков.

При дальнейшей механизации подачи и снабжении забойщиков пневматическими молотками представится возможность проходить и плохо поддающуюся забойке руду «литух», богатую железом. А теперь при встрече с этим сплошным железняком приходится прибегать к взрывным работам.

Работа шахтами ведется на Киреевском руднике, Дедиловского рудрайона. Сейчас ведутся разведки и в соседних Малевском и Панинском участках и рядом в районе с. Долгова. Разведки и дудками и буровыми скважинами ведутся на площади в 28 кв. мт. через каждые 200 метров.



Фото Мельникова. **Добыча руды „дудкой“.**

Запасы в двух оконтуренных участках на 1 августа составляли 33.333 тонны.

Эти разведки будут продолжаться и в последующие годы, так же, как и маркшейдерские и топографические работы. В результате этих разведочных работ будут оконтурены новые месторождения промышленного значения.

Жилищное строительство на Косой Горе в полном разгаре: выстроены два дома под квартиры персонала, два дома под общежитие рабочих, заканчивается постройка двух домов на 100 чел. и заложено еще 5 домов.

Имеется в виду постройка водокачки и бани.

Киреевским рудником заведует выдвиженец М. И. Полуэктов, бывш. предшахткома на руднике им. Шварца. Путем сокращения излишней рабсилы и реорганизации работ удалось достигнуть значительного экономического эффекта. По словам заведующего, себестоимость тонны руды с 7 руб. 50 коп. за март понизилась до 3 руб. 63 коп. за июль. Но до сих пор наблюдается большая текучесть рабсилы. На руднике нет пекарни, нет правильного снабжения рабочих продуктами. Но эти маленькие «недостатки механизма» в ближайшее время будут устранены. Кооперативное обслуживание района нового строительства несомненно будет расширено и улучшено.

Разведки с каждым годом дают все новые и новые богатства буро-железняков, запасы которых подводят прочную базу для постройки в Туле мощного металлургического завода. Пятилеткой намечена постройка третьей доменной печи, что увеличит выпуск чугуна к концу пятилетки до 405.000 тонн. Выпуск цемента больше, чем утраивается (1 миллион бочек), предполагается постройка труболитейного цеха с годовой производительностью в 50-75 000 тонн, водопроводного литья и т. д.

Промышленное развитие Косогорского завода—одно из крупнейших звеньев индустриального роста Московской промышленной области.

И. Титов.

В бондарке.

В бондарке визги звонких пил,
Цементных бочек гром.
Бондарка брызгами опилок
Осыпана кругом.

Под гул разбуженных станков,
Под флагом дымных труб,
Шагает мощный от веков,
Теперь свободный труд.

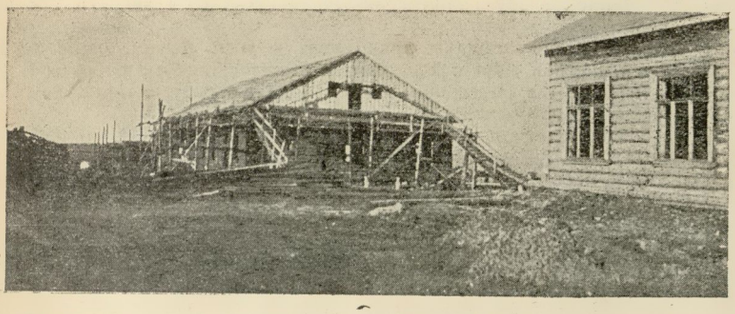
Как соты—бочек длинный ряд
И здесь и там лотки...
В соревновании бондаря
Взлетают молотки.

Какой безудержный восторг
Кипит в стальной груди...
Здесь каждый миг для дела дорог,
Здесь каждый впереди!

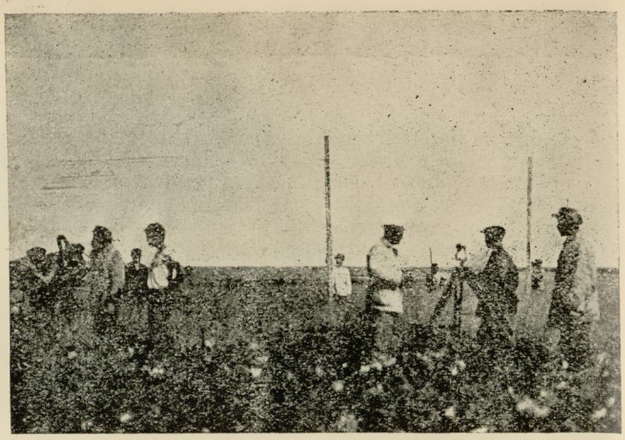
И упаковочный подвал
Гремит без перемен:
Там в бочки под веселый гвалт
Пакуется цемент!..

Ал-др Старков.

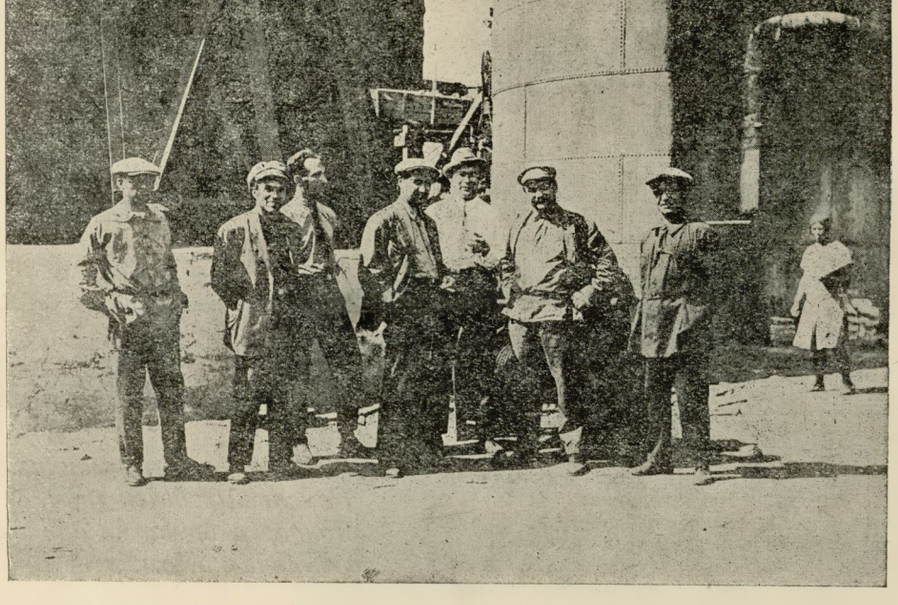
НА КОСОЙ ГОРЕ.



Жил. строительство на Косой Горе.



На Киреевском руднике. Нивеллировка.



Секретарь МК ВКП (б) т. Бауман и секретарь окружкома т. Грановский на Косой Горе.

На заре.

Не могу на заре я уснуть:
Свежесть утра ласкает меня.
Мне так хочется нынче взглянуть
На ржаные в полях зеленя.
Воздух чист, и прохладен, и свеж.
Вышел в поле.
О, милая даль
И широкие пашни без меж!
Ваши груди рыхлила здесь сталь.
Рожь, как в море волна за волной,
Ветер тихо ласкает ее.
Где-то в небе, в дали голубой,
Поля друг жаворонок поет.
Скоро, скоро ржаные поля
В буйный колос пойдут, зацветут
И над ними опять зазвенят
Звонко песни про радостный труд.
И в душе хорошо и светло,
Будто солнце другое зажглось,
Будто новое стало село,
Или вновь мне родиться пришлось.

В. Кр.



ПО ТУРКСИБУ.

(Из блок-нота журналиста).

Мост через Иртыш.

На пологом берегу Иртыша раскинулся степной город Семипалатинск.

В городе—караваны верблюдов, восточная экзотика мечетей. Раньше это прежде всего бросалось в глаза. Теперь в Семипалатинске сосредоточивается внимание на другом.

Турксиб! Вот тема всех здешних разговоров! Здесь говорят только о строительстве, километрах рельс, интересуются изысканиями, материалами, нивеллировкой степных просторов.

Семипалатинск явился той исходной точкой, которая в 1930 году соединит Сибирь и Туркестан железной дорогой. В Семипалатинске—штаб северного участка Турксиба.

На Турксибе—лихорадочное строительство. Американские темп и быстрота!

На третьем километре новой дороги встал колоссальным препятствием быстрый Иртыш. Через Иртыш нужно было построить железнодорожный мост. И постройка моста началась.

Железный гигант—мост через Иртыш—был заложен и открыт 1 мая. Строительство продолжалось более года.

Это была первая победа на Турксибе. На открытии моста присутствовало 15 тыс. человек. Казаки приезжали из аулов на верблюдах. Казачки привозили детей посмотреть на невиданное в степи зрелище.

«Десятилетие Коминтерна»—так назван мост через Иртыш.

Первые километры.

Из Семипалатинска железнодорожная линия идет на Сергиополь, к Талды-Кургану, на Балхаш, до Фрунзе. От Семипалатинска до Сергиополя—триста тридцать семь километров. Это первые километры, которые в январе 1929 года соединила железнодорожная линия.

Первый поезд в Сергиополь вышел в конце января. А в феврале по новой, не оконченной еще дороге открылось регулярное сообщение.

Казакстанская степь бесконечна, одинока, однообразна. Ровные пространства сменяются выжженными плоскогориями. Поезд идет медленно, опасливо. Свежая насыпь, наскоро привинченные рельсы ненадежны. Иногда с насыпи спускаемся на «временку».—Временка примитивна. На земле уложены шпалы, на шпалах рельсы... и дорога готова. Через три дня временка снимается. По ней из Семипалатинска везут на стройку шпалы, железо, рельсы, инструменты.

Станция Жангис-Тюбе. Два саманных барака, походная юрта, груда шпал и все. На этой станции будет большое строительство. Заложен фундамент вокзала, строится культпункт. Дома для железнодорожников, службы тяги, движения, небольшой сквер, водокачка,—все это пока только рельефно выделяется на плане.

От Жангис-Тюбе новая станция—Каракультас. Потом Сергиополь.

Новый город.

Сергиополь стоит на берегу речки Аягуз. Аягуз пересыхает летом. Но весной река набухает степными снегами, выходит из берегов на низине около Сергиополя и разрушает все на своем пути. Поэтому железнодорожная линия обошла Сергиополь на пять километров. На этом расстоянии от глухого степного городка заложена громадная станция Аягуз, фактически новый город.

Сейчас на Аягузе сосредоточены все строительные работы. От Аягуза к Талды-Кургану пятнадцатитысячная армия рабочих, коновозчиков, плотников, укладочников, землекопов, во главе с инженерами и техниками, сооружает железнодорожный путь.

На постройке самой станции занято около 2.000 рабочих. Полгода назад здесь было голое место. Станция строится по разработанному плану. В феврале было одновременно заложено 35 домиков для рабочих, временное здание ремонтного депо, магазины ТПО, склады для товаров. В марте эти постройки были закончены.

В течение нынешнего лета на Аягузе строятся: 25 жилых домов для железнодорожников, больница, двухэтажное здание под школу, новый магазин ТПО, товарные базы.

Заложены здания под службы тяги, движения, большой двухэтажный вокзал с парикмахерскими, салонами, буфетами для пассажиров. Голая степь облекается в железо, бетон и стекло.

По плану на Аягузе отводятся места под разбивку бульваров, садов и скверов. Там, где не было кустика, будут зеленые сады и бульвары!

Через реку Аягуз строится железнодорожный мост. От станции до моста—два километра. Это расстояние линия должна пройти через известковую скалу. Дальше—низина. Для железнодорожного пути в скале делается выемка в шесть метров глубиной. В выемке работают каменоломы. Длинным буравом забивается скважина. Ежедневно утром и вечером забойки обходит запальщик.

— Скважины готовы, запаливать можно?

— Вали, запаливай!..

Запальщик вынимает из кармана динамитную шашку, прикрепляет бикфордов шнур, заряжает забойку. Рабочие отбегают в сторону.

— Стой!.. Не езди, ч-о-о-рт!..

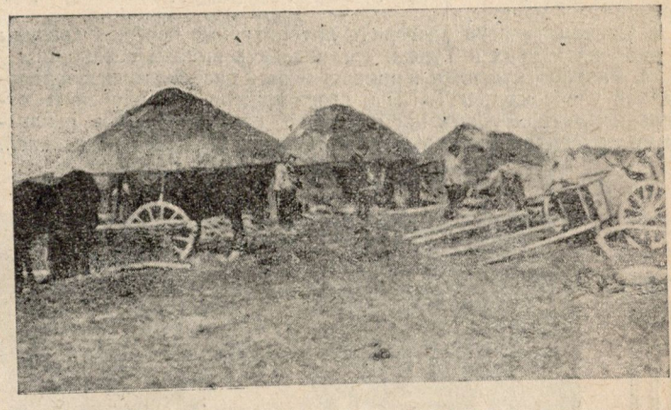
Криками предупреждают коновозчиков. Работа останавливается. Долгая минута. Шнур дымит. Потом взрыв,—камни, взлетающие вверх, веселые крики, оживленная работа.

От реки Аягуз на станцию проводится водопровод, строится водоемное здание, водокачка.

Таков облик нового города в степи.

„Кара-Айгыр."

Турксиб это—революция, переворот в экономике, в бытовых условиях Казакстана. Турксиб это—яркая пропаганда идей советской власти среди целой нации, занимающей огромную территорию от Урала до Западного Китая, от Туркестана до Аральского моря.



Тысячи рабочих на Турксибе—казаки. В районе Турксиба вырастают новые аулы. Казаку сняться недолго. Бросил «джейляу» (летнее пастбище скота), снял кибитку и на... новом месте. Красные юрты, кинопередвижки, библиотеки на казакском языке, радио внедряет Турксиб в быт казака. От первобытных форм жизни—к достижениям науки и техники! Разве это не колоссальный шаг!?

О Турксибе в Казакстане слагаются легенды и песни.

Вот одна из этих песен. Называется она «Кара-Айгыр» (Черный жеребец—паровоз):

«Сегодня в полночь железный шайтан
С черной гривой, сверкая глазами,
Мимо кибитки моей пробежал.
Шайтану во след я смотрел беспокойно,
Но руку ожег мне огненный иней.
А утром на лестнице новой и длинной,
Которую люди в степи позабыли,
Верблюд мой тоскливо стоял».

Тоскующий верблюд, одиноко стоящий на рельсах Турксиба. Смерть верблюду, дикости и некультурности казака несет Турксиб в Казакстанские степи.

Андрей Алдан.

К ИТОГАМ 1-ой ТУЛЬСКОЙ ОКРУЖНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ТАПП'А

Первая окружная конференция ТАПП'а (Тульская Ассоциация пролетарских писателей) прошла в атмосфере широко развернутой самокритики. Конференция заслушала доклад представителя РАПП'а тов. Лузгина и отчет о работе правления.

Как же оценила конференция работу ТАПП'а и какой наказ дала она новому правлению и редколлегии?

Прежде всего конференция отметила, что работа правления не приняла массового характера, что пока она не вышла за рамки самой ассоциации. Правление не развернуло работу на предприятиях, не охватило своим руководством работу литературных уголков, стенгазет, не предприняло мер к созданию литературных кружков при заводах и мастерских. Не были налажены учеба и повышение творческой квалификации самих членов ТАПП'а. Лучшего заставляет желать и социальный состав организации, куда входит весьма небольшой процент рабочих от станка. Недостаточный культурный уровень членов ассоциации, отсутствие учебы и связи с массами ведут к тому, что ассоциация варится в собственном соку, ее члены страдают неоправданным их творческими достижениями писательским чванством, занимаются склокой. В результате творческая эффективность понижается, и „Молот", который имеет в основном правильную идеологически установку, отвечающую его задачам, как органа пролетарской писательской организации, все же в последнее время не дает новых показателей творческого роста членов ассоциации.

Учитывая все это, конференция значительно обновила состав правления и редколлегии „Молота" и дала им следующий наказ:

1. В целях оздоровления ассоциации и улучшения ее социального состава, провести в срочном порядке чистку ее рядов, „отсеяв от нее творческий балласт и элементы, пытающиеся протащить в организацию классово-чуждые тенденции".

2. Принять меры к оформлению и укреплению районных АПП, прикрепить для руководства ими отдельных членов правления ТАПП'а, заняться организацией литкружков на предприятиях.

3. Систематически проводить литературные вечера и доклады в рабочих клубах в Туле и организовать выезды в районы.

4. Разработать план и принять меры к систематической творческой учебе членов ТАПП'а, через кружки по изучению отдельных литературных проблем и по ознакомлению с различными литературными течениями и их социальной подосновой.

5. Соц. соревнование сделать постоянным методом всей работы ТАПП'а.

Чтобы все эти намеченные мероприятия могли быть проведены в жизнь, ТАПП должен располагать известной материальной базой, чего он до сих пор не имеет. Поэтому конференция предложила правлению, с помощью руководящих советских и партийных организаций, разрешить вопрос о создании материальной базы для работы ТАПП'а.

Первая окружная конференция ТАПП'а должна явиться переломным пунктом в ее работе. С образованием округа в ТАПП вливается новая группа скопинских писателей, встает необходимость выявления и оформления писательских групп при промышленных, особенно горняцких, районах. Необходимо реализовать решения конференции об оздоровлении социального состава ТАПП'а, развертывании массовой работы, об усилении темпа культурного и творческого роста самих членов ТАПП'а.

Литература в настоящих условиях строительства является одним из наиболее уязвимых участков идейного фронта борьбы с классовым врагом. Мелкобуржуазная, классово-чуждая и враждебная нам идеология пытается просочиться и утвердить себя в искусстве, в частности в литературе.

Только выращивая кадры новых писателей из среды рабочих, повышая творческую квалификацию и марксистскую закалку старого кадра писателей и всемерно приближая художественную продукцию к рабочим массам, наша пролетарская литература сможет отточить острейшее орудие классовой борьбы. Это—минимум тех условий, при которых она сможет преодолевать правый уклон в художественном творчестве и примиренчестве к нему, какими бы защитными цветами они ни прикрывались.

Первая окружная конференция ТАПП'а поставила перед всей ассоциацией, ее правлением и редакцией „Молота" ответственнейшие задачи.

Каждый активист, каждый рядовой член ТАПП'а должны мобилизовать все свои силы для разрешения этих задач, для превращения ТАПП'а в активного борца на фронте социалистического строительства, борца за генеральную линию партии, против всяких классово-чуждых и оппортунистических попыток извращения ее в литературе.

М. Колябская.



Фото В. Сэпп.

Группа тульских пролет. писателей—участников конференции.

ВОЗДУШНЫЙ НАЛЕТ.

(Очерк Ив. Сироты).

По Октябрьской улице пронесся, отчаянно гудя, маленький блестящий автомобиль и скрылся за поворотом. Через несколько минут он вынырнул обратно и, мягко шелестя, подкатил к райкому.

— Ваш пропуск?

Два комсомольца вежливо загородили путь идущему в райком.

— Сейчас райком не работает, товарищ. Не торопитесь. Дела?.. Да, но райком не работает, вам уже сказано. Приходите завтра.

В райкоме кипит горячая деловая работа. Она сосредоточивается, главным образом, в небольшой комнатке, окна которой смотрят на Октябрьскую улицу.

В этой комнатке толпятся люди в зеленых гимнастерках. Движения их быстры и отрывисты. Так же быстры и отрывисты и их приказания.

Предрайсовета Заречья т. Санкин перетянулся ремнем. На боку у него тускло поблескивает из кабуры вороненая сталь нагана. Перегибаясь через стол, тов. Санкин снимает трубку с звенящего телефона.

— Самолеты приближаются, — тревожно доносят ему провода.

Тов. Санкин выглядывает в окно.

На улице пока все обычно. Возы, автобусы, трамваи, пыль... Только маленький автомобиль, запыхавшись, лихорадочно дышит мотором у под'езда.

Но вот показалась кавалькада всадников. Мерно отчеканивая шаг, идет отряд ВХО.

Сигнальный заводский гудок извещает о грозящей Заречью опасности. Рабочие небольшими группами выходят из завода. На перекрестках улиц устанавливаются пулеметы. Маленькими черными зрачками напряженно вглядываются они в голубую высь над городом, подстерегая противника.

Улицы пустеют. Рабочие разошлись по домам. Только кое-где у ворот толпятся группы в несколько человек, удивленно осматривая опустевшую улицу.

Пал Ваныч, никак сейчас стрелять зачнут?

Рыхлая домохозяйка косится на мужа. Пал Ваныч, отирая платком пот с лысины, осторожно приближается к пулемету.

Пулемет молчит и ничем не обнаруживает своего внимания к Пал Ванычу.

— Отойдите, гражданин,—оборачивается рабочий с повязкой на рукаве.

——

И вдруг—

— Б-бах!—

на перекрестке разорвалась бомба.

— Б-бах!— еще!

— Пал Ваныч! Пал Ва...

Супруги мчатся в квартиру...

По Заречью затрещали пулеметы. Сначала один... Потом другой, третий...

Самолеты над городом. Воздушные налетчики намереваются разгромить бомбами Заречье. В штаб прилетает сообщение: противник сбросил фугасные и химические бомбы около фабрики «Феникс».

Бомбы несут пожар. Фабрика «Феникс» должна погибнуть в огне...

— Не допустить! Затушить!

Это орут пожарные автомобили, оголтело мчась сквозь клубы порохового дыма к зданию фабрики. Пожарники в масках. Быстро приставив лестницы, они один за другим лезут на крышу фабрики. За ними, как гигантские щупальцы, ползут брандспойты.

Струи воды сплошным белопенным потоком окутали здание.

Из окон второго этажа пожарные бережно спускают вниз раненых и отравленных. Санитары подхватывают их на носилки и уносят на медпункт.

На мостовой шипит дегазатор—поливает улицу уничтожающей газ жидкостью.

А пулеметы, между тем, стучат все реже и реже.

Воздушная атака отбита. Люди в зеленых гимнастерках достают из кармана папиросы и закуривают. Передышка...

——

Город искрится золотой россыпью огней. Свежая великолепная августовская ночь... Но улицы Заречья попрежнему пустынны, попрежнему напряженная тишина ожидания висит над улицами. Часовая стрелка подвигается к 10. Ближе, ближе... Вот она уже покрыла цифру «1»...

Заунывно, предостерегающе взревел гудок. Миг—и потух свет, стали трамваи, замерли автобусы.

Город нырнул в темень и притаился.

Только гудок продолжает кричать о приближающейся опасности,—кричать коротко, отрывисто: Самолеты! Самолеты!..

Загремели взрывы: «противник» нащупал район и принялся сбрасывать бомбы.

Пожарники снова принялись за работу, быстро ликвидируя результаты стараний воздушных налетчиков. В клубах дыма от рвущихся бомб заныряли голубые фонарики санитаров...

——

Учение противовоздушной обороны окончено. Пойдемте в тир, а?.. что-то пострелять хочется.

Бодро позванивая, трамвай понес нас из Заречья в центр.

Прекрасная свежесть предосенней ночи ударила в окна, принеся с собой легкий запах заводской гари. Сотнями огней промелькнул мимо завод, отражаясь в водах реки,— тяжелых, спокойных, как ртуть..

Красная армия на учебе.

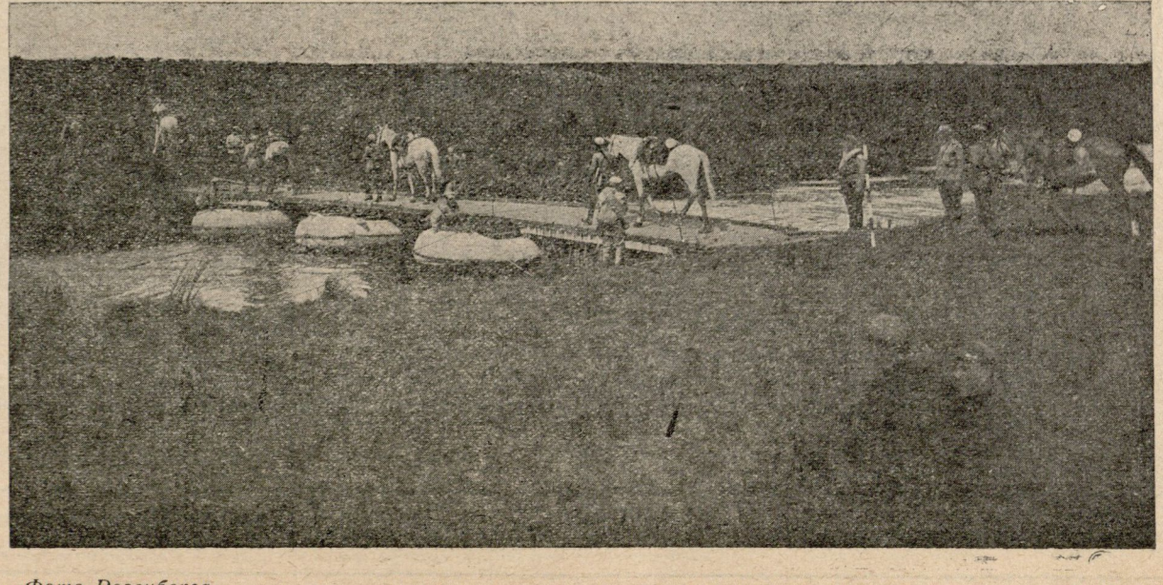
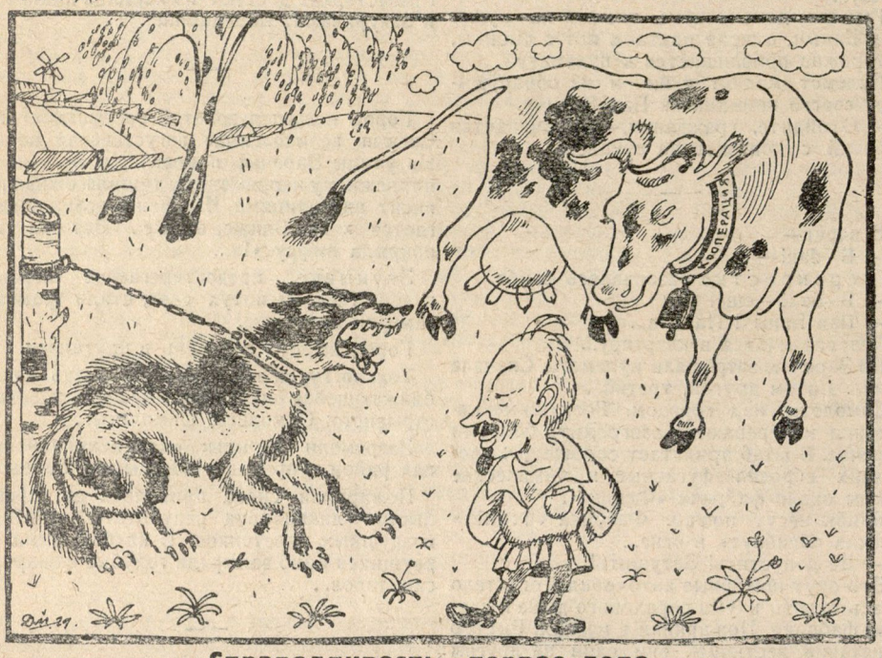


Фото Розенберга.

Сатира и юмор

Рис. Д. Мельникова.



Справедливость—первое дело.

Шатающийся (либеральным голосом): Товарищи! Надо развязать эту безвредную зверюшку! А то какая же это борьба! („Крокодил").

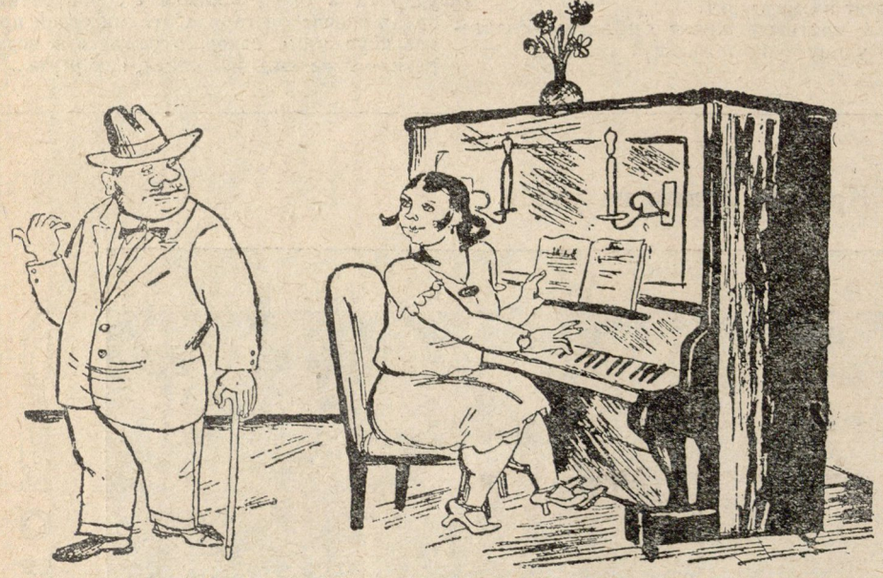
Рис. Малаховского.



Неделя борьбы.

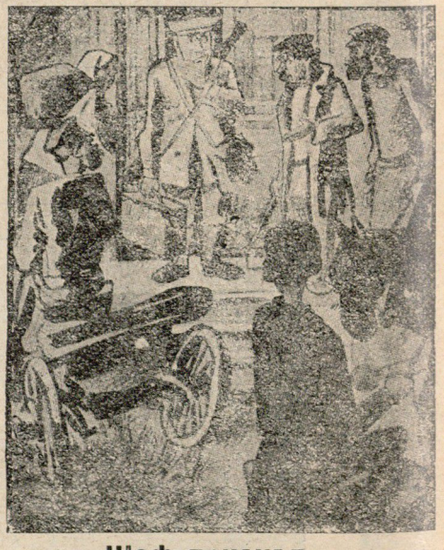
—Я сам за антиалкогольную кампанию. Ну, об'явили бы антиалкогольный день, ну, два! Но целую неделю —этого никто не выдержит! („Чудак").

Рис. Эфроса.



— Если кто из партийного начальства придет, скажи, что дома нет,—ушел, дескать, на 3-й заем подписываться („Ревизор").

Рис. Генча.



Шеф приехал.

— Граждане, тут в вашем районе наша подшефная деревня есть. Не помните, как она называется? („Крокодил").

Издатель—газета „Коммунар".

Редакционная коллегия { Колябская, Старцев, Добротвор, Кольчугин, Добрынин.

Тулокрлит № 1161. Типография Тулпечати—Тула, Коммунаров, 42. Заказ № 6248—29. Тираж 2.500 экз.